

Приложение к № 179 газеты «Великолукская правда»

ИВАНОВ Николай Иванович

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Ночная тишь. В монашеской одежде Великий князь в сиянии свечей (Могучий витязь – это было прежде) В пустынной келье не смыкал очей.

Старик и схимник помнил звуки боя, Людские стоны, ржание коней. Сменил шатёр на Божий дом покоя, Горячий хмель – на сладостный елей.

Он наречён был Невским. Этим словом Народ возвысил битвы на Неве. Чванливый Биргер – обликом суровый – Не удержался в рыцарском седле -

Копьём калёным князя был отмечен И в страхе бился на сырой земле... Но мир желанный так недолговечен – Коварный враг явился по весне.

В апрельском мареве окутан грозной тучей Под чёрным знаменем шёл плотно легион... И был разбит. И снова славный Русич Вернулся в Псков под колокольный звон.

Но путь окончен, многих битв воитель, Уйдя от мира, помыслов мирских, Избрал смиренно тихую обитель, Стихи псалмов и образа святых.

Молил за Русь и видел сквозь столетья Полтавский бой и быстрый взгляд Петра, Врагов с огнём, мечом и резвой плетью, Штандарты с чуждым профилем орла.

И царь Иван, что слыл в народе Грозным, В победный день и в трудный жизни час В Успенском храме в миг молитвы слёзной Святого князя зрел иконостас.

Глядит с иконы Спас Нерукотворный, А в нимбе славы княжеский портрет. Простой завет оставил предок гордый: Лишь в правде Бог, но в силе Бога нет.

СЛАВЛЮ МАТЕРИНСТВО

Я руку матери, как крест святой, целуя, С благоговеньем трепетным держу. Произнеся, как Богу – «Аллилуйя», Слова признанья поздние скажу.

Ее уж нет и нет цены за счастье. За обретенья, силы колдовства. За жизнь, дарованную в одночасье, За чувства близости, обилие родства.

За капли слез, за солнечность улыбок, За устремленье в мир и в небеса. За первый шаг и тысячи ошибок, За все вращенье жизни колеса.

Моя пора в трудные мгновенья, Когда нет сил, чтоб думать о делах, Твой голос слышу в звуках песнопенья И наставленья в ласковых словах.

В немногословьи славлю материнство За миг удачи, радость торжества И за любовь, за жертву, за единство, За женский труд и подвиг рождества.

ХУТОР МОЙ ДУБРОВКА

В стороне от проезжих дорог, В заповедном кукушкином крае, Притаился в лесу хуторок, На холме в черемшиной оправе. Под соломенной крышей изба, От калитки тропинка к колодцу И скворцы у родного гнезда, И над прудом верба у болотца. Я как будто сегодня бегу По колючим колеям прокосов, Жадно пью на вечернем лугу Опьяняющий дух медоносов Я к тебе возвращаюсь опять, Мой исход в глухарином покое, В свежем сене под крышею спать, С лошадьми собираться в ночное. За прохладной стеною осин Отчий дом под разлапистым дубом, Куст орешника, старый овин С почерневшим от копоти срубом. Где бы ни был и сколько дорог Ни прошёл я, дряхлеющим шагом, Вспоминаю без срока и в срок Звоны кос за малинным оврагом. И смешались и сказка, и быль, Это всё пролегло через годы: И военная жёлтая пыль, И Дуная кипящие воды. Только в детство открою окно, Загляну в моей жизни начало, В хуторке, под дубами оно Ручейком по весне прожурчало.

ЛАМПАДА ВЕРЫ

Ещё горит в лампадах пламя веры И светит вечно в вихре бурь и гроз. Святая правда. В маленькой пещере Для смерти крестной был рождён Христос.

Его несла на жертву и на муки За все грехи людские на земле Мария-мать, протягивая руки

Он умер на кресте с любовью кроткой, Его завет был – ближнего любить. И человек в своей судьбе короткой

Бушуют страсти, гложет кости злоба. Нет покаяний, мира и поста. Зачем нам лицемерно верить в Бога,

Какая польза, если кто-то хочет Весь мир земной в удел приобрести? Но смерть не умолить и не отсрочить, И жизнь пройдёт, и душу не спасти.

А кто узрит людей во власяницах, Не отвратит от странника лица И навестит голодного в темнице -Тот обретёт прощенье у Творца.

.....

Навстречу всем, блуждающим во мгле.

Другим способен радость подарить.

Ведь вера без деяния мертва?!

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Из поколений в поколенье Приемлем мы, как Божий дар, Спокойной ночи наступленье И солнца утреннего жар.

На труд идущий, на служенье, В парную баню, в дальний путь, Просить своё благословенье Перед порогом не забудь.

И – «С Богом!» – вымолвить не трудно, И с верой дверь свою закрыть, И отплывающее судно Надеждой доброй осенить.

И уходящих в ночь и стужу, Внучат, спешащих в детский сад, Несущих воинскую службу Пусть женщины благословят.

Коль самолёт взлетает в небо, Молитву вслух произнеси И, в руки взяв кусочек хлеба. Благословенье попроси.

С смиренным сердцем и любовью Входящих в дом благослови, Успокоение злословью Поступком добрым сотвори.

Не возгордись, преуспевая, Благодари за каждый час Того, Кто, души согревая, Судьбой одаривает нас.

РАЗДУМЬЯ О РОССИИ

Руси моей кресты и купола, И ранний звон, и поздние моленья – Ты всё взяла и всё взамен дала: И веру, и страданья, и сомненья.

Я прихожу к тебе, к святым гробам Твоих сынов, почивших сном покоя. Седые предки, поклоняюсь Вам Рабам, и властелинам, и изгоям.

Опять я возвращаюсь под шатёр Твоих небес, твоих вечерних далей, Псалмов чудесных

вновь послушать хор, Изведать чувств волненья и печали.

Раскроется вдруг бездна в небесах И мириады звёздных в ней течений... И взвешиваешь, будто на весах, Все тяжести житейских прегрешений.

И, над покоем вечным вознесясь, Архангел, протруби

в свой рог тревожный, Чтоб путнику усталому не пасть И выбрать путь не лёгкий,

но не ложный.

Народ наш добрый светом озари. Над миром беспокойным пролетая, Россию в трудный час благослови – Она всегда для русского Святая.

МОЛИТВЫ МАТЕРИ

Моей матери Евдокии Кирилловне

Лесной пожар гудел и падали деревья И умирал в огне сухой сосновый бор. Кричали птицы – их горели перья, И звери в страхе прыгали из нор. Здесь под посевы жгли и вырубали ляда И корчевали пни, надеясь на успех, Но запылали бревна дровяного склада, Случился вдруг непоправимый грех. И шел на них, разбрасывая искры, Багряно-огненный седой девятый вал, И трескалась земля,

как орудийный выстрел, А сын под елью безмятежно спал. Клубился дым, и небо закрывали тучи, Ревело пламя, словно дикий зверь. Малыш лежал у опаленной кручи, Где мать ему устроила постель. К нему бежала, широко раскрыты Охваченные ужасом глаза, И проклиная все и бормоча молитвы В надежде к нему руки вознося. Платок пропах прогорклым, едким дымом, Она склонилась над трехлетним сыном, Собой закрыла, крепко обняла. А струйки по с загорелой шеи, Смешавшись с гарью, заливали грудь, Но радовалась, что к нему успела И от огня спасала, как-нибудь. Она молилась, лик ее был светел, Пропал за лесом материнский стон. И вдруг тогда переменился ветер И голубкой открылся небосклон. Сказала тихо: «Вот и слава Богу, Ушел огонь, поворотяся вспять». И на руки взяла и с сыном понемногу С земли горячей попыталась встать. Мы в трудный час советуемся с ними, Вы наша совесть, мысли и дела. Как прежде, нас ты на руках поднимешь, И я, как маленький, прижмусь у подола. Представлю, ты жива,

что ты бессмертна, мама. Я очень часто думаю, скорбя, И правде вопреки прошу упрямо: Ты помолись беззвучно за меня.

моя россия

Мой Псковский край, святой Руси начало, Великих подвигов и славы колыбель. Каким ты был и что с тобою стало, Какие годы ждут тебя теперь?

Пылит дорога, жар струится синий, За дальний лес уходят облака. И белой лентой шлейф автомобильный Относит дуновенье ветерка.

Оазисом зеленым над водою Заросший парк, покой былых времен. Замшелый храм, расстрелянный войною, Давно усопших охраняет сон.

И в парке том явление и чудо Хранит еще архитектурный стиль. Дворец вельможи, превращенный в груды Кирпичных блоков, ржавчину и пыль.

Над ратным полем пахнет суховеем. Из трав поникших тянется рука. Ползет траншея вверх зеленым змеем, Здесь пал мой брат, не найденный пока.

Над горизонтом заклубились тучи. Возможно, ливень будет или град. Кричит в испуге воронье над кручей. Домой, под крыши, ласточки спешат.

Прими в объятья и прости, Россия. Не погнушайся, в злобе не отринь. Какую б власть ни выбрала стихия, Каким бы ни был, все же я твой сын.

Не побегу за счастьем на чужбину, Как мать большую в горе не предам. Вставай, Россия, разгибая спину, На зависть недругам,

на радость всем друзьям

Ирина ЯНЕНСОН

РОССИЯ начинается здесь

Черёмуха во Пскове расцвела, И холод отступать примерно начал, Попав почти что сразу под раздачу Хорошего весеннего тепла.

По вечерам поют здесь соловьи, А по утрам летают чайки с криком, И так темна вода в реке Великой, Что не видать на дне её земли.

Летит над Псковом колокольный звон, Большие или малые церквушки, Задрав свои блестящие макушки, Как будто в строй спешат со всех сторон.

И возвышается поверх домов Сам Троицкий могучим генералом Прекрасен, ах, прекрасен, и недаром, Ему же поклоняется весь Псков...

Меж облаков открыв себе обзор, Сияет ясно солнце в небе синем... И – да, здесь начинается Россия Всем западным ветрам наперекор

мой милый псков

Мой милый Псков грустит средь серых стен, А я сквозь серость монотонных буден Мечтаю лишь, что ждать он верно будет, Когда к нему приеду насовсем.

Псков распахнёт объятия свои, Меня, как блудное дитя, он примет, Шепнув на ушко мне моё же имя И даже, может быть, слова любви.

Совсем недолго ждать уж этот день... Ну, а пока лишь приезжаю в гости, Встречает Псков без горечи и злости, Но солнцем, разогнав смурную тень.

Тогда гуляю долго по нему И каждый камень мысленно целую, И, может быть, слегка его ревную, Сама не знаю даже и к кому.

Скучаю, да, скучаю каждый миг, И складываю о любимом строки, В надежде, что услышит Псков далёкий Тоскующей души признанья крик. (2015) ТЫ НА СКРИПКЕ ИГРАЛ НЕУМЕЛО

Ты на скрипке играл неумело, Словно вор, без скрипичных ключей, Надрывая скрипичное тело Бесконечностью дней и ночей.

Струны скрипки от мук и страданий ПорвалИсь, и среди немоты Звук пилы стал пределом желаний, Заглушив зов скрипичной мечты.

Ты несчастную скрипку оставил, О разорванных струнах забыл, Поиграл без стыда и без правил, Над скрипичной душой властелин.

Сталь пилы гнёшь теперь и ломаешь Обнимаешь натруженный стан, Нервы скрипки доводишь до края, А пилу вовлекаешь в обман.

Скрипка стонет в чулане на полке, Без твоей безвозвратной любви, Развалились мечты, как осколки, Догорели дотла корабли...

Но глухие, скрипичные стоны Сердце слышит... и ты уж не рад Блеску плотно сидящей короны И сиянию новых наград.

Кто поймёт это всё и оценит? Может, пошлая, злая пила, У которой, от счастья пьянея, Просто кругом идёт голова?

Без скрипичного пения пусто, Пусто в сердце и гадко в душе, Хоть ты это проклятое чувство Из себя выгоняешь взашей.

Только пальцы, по старой привычке, Отзываясь на горестный стон, Струны чутким движением ищут, Вторить скрипке стремясь в унисон.

Война против Русской православной церкви

Прошло менее трехсот лет после церковного раскола, как в России на православную церковь снова обрушились удары, потребовавшие от многих священнослужителей стойкости и верности церковному учению до конца.

(2017)

Отречение императора Николая II и свержение российского самодержавия произошло в феврале 1917 года. В возникшей государственной неразберихе на высший пост выдвинулся А.Ф. Керенский, человек, совершенно неподготовленный для исполнения ответственных государственных обязанностей. Свой вклад он вложил не в укрепление страны, а, наоборот, в разрушение государства и государственной власти. Это он арестовал царскую семью, развалил русскую армию, создал в стране беспредел и подготовил условия для развертывания гражданской войны. «О, паршивый адвакатишка, такая сопля во главе государства – он же загубит все», – так в те годы отозвался на выдвижение Керенского великий русский ученыйфизиолог, лауреат Нобелевской премии Иван Петрович Павлов – сын рязанского священника, уважаемого благочинного.

Пришедшие к власти после Октябрьской революции новые люди по своему воспитанию и по своим идеалам не видели в православной церкви своего соратника по переустройству России. Скорее наоборот. Среди тех, которые начинали разрушать старый мир и строить новый, было много атеистов. Но самую активную деятельность в те годы проявляли те политические деятели, которые выросли в нехристианских семьях. В сложившейся исторической ситуации новая власть стала смотреть на право-славную церковь как на очаг, распространяющий контрреволюционную борьбу. Тогда основной удар против церкви принял на себя Святитель и Патриарх Тихон.

января 1865 года в (погосте) Клин Торопецкого уезда Псковской губернии в семье свяшенника Беллавина родился сын Василий. С детства он был окружен духом православной церкви, поэтому после окончания Торопецкого училища он продолжил свое обучение в Псковской духовной семинарии, а затем в столичной Санкт-Петербургской академии. Везде Василий прилежно учился и блестяще заканчивал как семинарию, так и академию. За глубокие знания его называли в семинарии архиереем, а в академии Патриархом. В жизни будущего священнослужителя все это сбылось, он действительно стал и архиереем, и Патриархом. В 26 лет Василий Беллавин принял постриг с именем Тихон.

Через год в чине иеромонаха он становится инспектором духовной семинарии, а на следующий год его назначают ректором

Епископ Тихон (Беллавин)

Казанской духовной семинарии с чином архимандрита. Спустя несколько лет Тихон возвращается в родные края и принимает должность ректора Холмской духовной семинарии. Каждодневный труд, постоянно самосовершенствование и благочестие всегда отличали архимандрита Тихона. В 33 года он – епископ. Этот выв 33 года он – епископ. Этот высокий чин Тихон принял не как почет, силу и власть, а как более ответственное дело, подвижнический труд и духовный подвиг. Свое святое дело исполнял среди народов Северной Америки, когда служил там еписко-пом Алеутским и Аляскинским. Исполнив эти труды, Тихон стал архиепископом («Ваше преосвяшенство»).

Когда началась Первая мировая война и русские войска располагались по литовским городам и хуторам, Тихон отмечал, что литовское общество единодушно поддерживало русских в боях с немцами (тевтонами), чтобы они окончательно закрепили разгром немцев-крыжаков (крестоносцев) в Грюндвальд-

В первые месяцы советской власти (ноябрь 1917 года) Тихон был избран Патриархом Московским, но после ряда покушений, арестов и заключения в тюрьму

он прожил только 7 лет и умер в 60 лет. В те годы богоборцы подняли свой меч на высших архиереев Русской православной церкви. Митрополит Киевский был расстрелян, митрополит Воронежский повешен, митрополиту Пермскому выкололи глаза, отрезали уши и утопили, митрополита Тобольского привязали к хвосту лошади и убили, митрополита Самарского посадили на кол, митрополита Ревельского на морозе обливали водой и превратили в ледяной столб. Епископа Никодима расчетливо били по голове, пока он не умер.

Современные СМИ и политологи сознательно пытаются исказить истину, заявляя, что жизнь народа и развитие Советского Союза как государства «являло сгусток всех уродств исторического развития русского народа и страны. Но тогда как объяснить, как народы СССР разгромили мощную военную машину гитле ровских захватчиков, а, быстро восстановив экономический потенциал, первыми в мире совершили орбитальный полет человека в космос.

века в космос.
В довоенное время православная церковь работала под контролем государства, в Москве, Ленинграде и других городах, в некоторых селах регулярно совершалось богослужение. Готовясь к нападению на Советский Союз, гитлеровское руководство Германии учитывало влияние русской православной церкви на состояние национального духа народа и вероятные действия Русских священослужителей. Так рейхс-фюрер СС Гиммлер в своем наставлении указывал на возможную опасность, исходящую от православной церкви, которая будет сплачивать русских людей и поднимать их на сопротивление. Гиммлер призывал своих подчиненных везде дезорганизовывать работу церкви, а гле-то вообще пучше пиквили вать церковь. Гиммлер знал русского непобедимого генералиссимуса А.В. Суворова и как он учил своих чудо-богатырей: «Мы русские! С нами Бог! Дух укрепляй в Вере православной! Без молитвы меча не обнажай, сам погибай, а товарища выручай! За

убитого Церковь Богу молится». У немецких солдат на металлических пряжках ремней было выдавлено «Gott mit uns» (с нами Бог), но немцы несли другую религию и оккультизм (многие генералы, офицеры и солдаты были атеистами). Во время оккупации в Новгородском храме Святой Софии отправлял богослужение лютеранский пастырь, чего в этом храме не было около тысячи лет. Митрополит Сергий (будущий Патриарх) призвал всех русских защищать Святую Церковь и Россию. Он твердо заявил, что Русская православная церковь не оставит свой народ и

благословляет всенародный подвиг. Обращаясь к духовенству, он всех призвал: «Положим души свои вместе с нашей паствой. Господь дарует нам победу». Тогда многих архиереев и священников выпустили из лагерей, они укрепляли у народа уверенность в победе и поднимали дух.

28 марта 1942 года Патриарх Московский Сергий обратился ко всем верующим Россий молиться за победу Красной армии, ибо «православные не могут допустить и мысли. и возможности принять из рук врага какие-либо льготы и выгоды. Совсем не пастырь тот, кто, видя грядущего волка и уже терзающего стадо, будет лелеять в душе мысль об устройстве личных дел». В брянских партизанских отрядах и селах после чтения в газете этого обращения Патриарха многие подписывались на военный заем и добровольно вносили деньги и драгоценности (золотые кольца, перстни, брошки и др.) в «Фонд обороны».

собранные церковью средства была построена танковая колонна из 40 танков Т-34. Укомплектованные этими танками 38-й и 516-й отлепьн ковые полки сражались под Ржевом, освобождали Великие Луки и Невель. В 1944 году 38-й танковый полк, получивший тяжелые танки КВ-1 с надписью на башнях «Дмитрий Донской» (танки строились на пожертвования православных) сражались на Украине, пройдя с боями и маршем более 600 км, полк одним из первых вышел на реке Днестр к Государственной границе СССР.

О величии воинского духа в первые месяцы Великой Отечественной войны свидетельствует стойкость и верность присяге гарнизонов «Брестская крепость» и военно-морской базы на острове Ханко. 16 ноября 1941 года в 118 км от Москвы у железнодорожного разъезда Дубосеково 28 панфиловцев в ожесточенном бою остановили идущие от Нелидово немецкие танки. Как 300 спартанских воинов не пропустивших у деревни Фермопиллы армию персов, так и герои-панфиловцы, во имя Родины совершившие бессмертный подвиг, спасая Москву ушли в бессмертие.

Одержав Победу, 6 июля 1945 года Маршал Советского Союза Г.К. Жуков от всех граждан СССР зажег неугасимую лампаду в Лейпцигском православном храме-памятнике, посвященном «Битве народов» под Лейпцигом с армией Наполеона.

Святой Иоанн Кронштадтский в свое время предупреждал об укреплении России и указывал на ее внутренних врагов, которые каждый по-своему ведут борьбу с церковью и подрывают нравственные устои русского народа. Среди этих врагов он наиболее опасным считал гомосексуалистов, лесбиянок и сатанистов. После развала СССР в противовес Русской православной церкви активизировали работу многочисленные секты, против христианского благочепротив христианского благочестия выступают гомосексуалы, лесбиянки, транс-сексуалы, сексбомбы, секс-символы и некоторые артисты эстрады.

В 1972 году Патриарх Александрийский Николай VI назвал гомосексуализм и лесбиянство

сверхересью, направленную прямо против христианства.

мо против христианства.

Богомерзкий поступок совершили в марте 2012 года девушки-танцовщицы. В Храме Христа Спасителя (главном храме православной церкви) они в полуобнаженном виде исполнили эротический танец и «вращали ягодицами». Видимо их танец преследовал одну цель – послать православным вызов: «Полюбуйся, Россия, на наши обнаженные ягодицы». Жаль, когда за явное осквернение храма находятся защитники, требующие простить злоумышлен-

ниц и оправдать их на суде.
В июне 1997 года в Сан-Франциско прошла конференция, обсуждавшая проблему создания единой Организации Объединенрепигий ислам, индуизм и буддизм). На этой конференции присутствовали представители 20 стран, от США – 121, от Англии – 11 человек, от других стран – от 8 до 1 человека. Русская православная церковь от этой идеи отказалась и своих представителей не посылала. Но от России на трибуну конференции поднялся для своего доклада М.С. Горбачев, а в аудитории сидел поп, отлученный от православной церкви, Глеб Якунин. Для реализации решения конференции в ЦРУ США создано специальное управление по вопросам религии.

Православная церковь знает. что даже в среде иерархов появились вероотступники, ведущие направленную работу на очередной раскол.

А. МОРДАШЕВ

28 марта 2012 года

И я ушел. К ней возвращенья нет, Захлопнул дверь, оставив на пороге Свою любовь, к которой много лет,

Сказал потом: «Жену твою видал. Все хорошо, полна и краснощека.

Тебя ж я об одном лишь попрошу,

Товарища ты, знаю, не обидишь:

Жене письмо я, может, напишу, Ты передашь ей, если где увидишь...»

Он через месяц был в бою убит,

Когда бежал в атаку по опушке.

«Галина, Галя, я тебя найду,

Я никогда так не желал письма,

Его похоронили у ракит Над медленной украинской речушкой.

Он умирал в беспамятстве, в бреду, Но губы воспаленные шептали:

Ты слышишь ли меня, Галина, Галя?»

Где б ни был я, тянулись все дороги...»

Он замолчал и продолжать не стал, Взял папиросу и, вздохнув глубоко,

Анатолий СОФРОНОВ

ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ

В.М. Соколовой

Поэма

Фронтовою ночью на шинели Мне приснился берег золотой. Волны на песке сыром шипели, Набегал и отходил прибой.

Было рано. Первый луч рассветный Обронил сиянье на песок, И на нем остался чуть приметный, Легкий след босых девичьих ног.

Ни косынки, на песке забытой, Ни одежды белой вдалеке Только берег, да песок открытый, Да следы девичьи на песке.

Я открыл глаза, и надо мною Крик гусиный проплывал в ночи, Да висели сеткою сквозною Скрещенные в воздухе лучи.

Нимб войны, полночный, неизменный, Долгий срок венчавший города, Эн от жизни мирной, довоенной Не оставил в небе ни следа.

Но с тобой мы в сердце всюду носим Прошлой жизни образ дорогой На болотах, среди темных сосен, На земле и на волне морской.

Сны о мире – это наша жажда, Снится в полночь темную бойцу, Как с войны вернется он однажды И шагнет к знакомому крыльцу.

И увидит ту, что возле моря Легкий след забыла на песке, Нашу жизнь, как девушку без горя, С полотенцем белым на руке.

Нам она в глаза тогда посмотрит, Руки обожженные возьмет; Всем, кто не был дома года по три, Этот срок в бессмертие зачтет.

Вокзал. Перрон. Притушены огни. Здесь было раньше расставаний много. Но то был мир. Другие были дни. Не тот был путь, не та была дорога.

Ну вот и все... Прощай, мой старый дом, Который в годы юности открыли, Где были счастливы с тобой вдвоем И наше счастье поровну делили.

Вокзал. Перрон. Гудки поют во тьме, Зовут, зовут, протяжные, солдата. Вечерний ветер что-то шепчет мне С высокого степного переката.

Он некогда тебя ко мне принес От васильков, от клевера, полыни, От первых чистых августовских рос И сохранил такой тебя́ поныне.

Горячий пар и грохота поток, Колесный стук и звяканье тарелок, 'ыдает где-то впереди рожок Над тусклой сеткой затемненных стрелок.

Меж нами расстоянье велико, Нас разделяют темные ступени. Еще ты близко, близко – далеко, Тебя скрывают на перроне тени.

Свисток. И вот тебя не видно. Нет... Растаяла ты в полумертвом свете. На рельсах остается гулкий след, В окно летит июньский шумный ветер.

Прощай, мой город, ты мне детство дал, Ты одарил меня богато, щедро, Меня ты к солнцу, к звездам подымал, Учил дышать степным горячим ветром.

Любовь моя! Одна ты без огня Идешь дорогой темною с вокзала. Как будешь жить, дышать ты без меня, Когда полжизни мне недосказала!

Стоят вокруг сосновые леса, Высокие, без края, без границы;

Блестит на иглах по утрам роса; Поют над лесом, заливаясь, птицы.

Косые блики утренних лучей Горят на листьях желтыми огнями. И золотят сверкающий ручей, Что вьется среди леса меж корнями.

Такой здесь мир, такая тишина, Июльское спокойное томленье, Что кажется ползущая война Дурным, но отошедшим сновиденьем.

Мы трудно отступаем на восток, Жестокими боями огрызаясь; Идем лесами, ночью, без дорог, Толча устало молодую завязь».

Запомним мы и ночи те и дни, Закаты и рассветы без сиянья, Дневную тьму, полночные огни, Товарищей, лежащих без дыханья.

Носили в сердце, в мыслях до конца, До самого последнего дыханья, Что согревал надеждою бойца, Что обрывал нежданные рыданья.

Каким он будет, этот светлый день, И где в пути-дороге нас застанет? И у каких сгоревших деревень Он руки нам горячие протянет?

Мечтатели, мы думали о том, Чего сердцами воинов желали. В березняке прохладном и густом Мы у ручья студеного лежали.

Один сказал: «Все сбудется зимой, Метельным днем, под пенье шалой вьюги По снегу черному вернемся мы домой, И встретят нас озябшие подруги.

Мы отогреем их своим теплом, В углы поставим верное оружие И будем слушать, слушать за столом, Как бьется сердце, отходя от стужи».

Другой сказал: «Он в золоте придет, Богатый день, красивый, плодородный, Вином бокалы звонкие нальет На празднике великом, всенародном.

И нам за все – за кровь и за труды, За ратный подвиг, совершенный нами, К ногам положит спелые плоды И наши каски обовьет цветами».

А самый робкий, самый молодой Сказал, от дерзкой мысли загораясь: «Тот день придет за талою водой, Когда в лесах займется снова завязь.

Когда поля весеннею травой Ковром широким сплошь зазеленеют, Когда в лесах под чистой синевой

Мы не забудем никогда тот час -Он наши души глубоко затронул – Когда пришел из штаба к нам приказ: Счастливей часа не было на свете! Рубеж мы тот запомним на года, На многие года – десятилетья.

Из отпуска вернулся мой земляк, Как будто чем-то был в пути расстроен; До этого в одной из контратак Он у себя в полку прослыл героем.

Он ранен был, но полз вперед во мгле, Меняя нервно диски в автомате, Потом очнулся ночью на столе Под полотняной крышей в медсанбате.

Он пролежал на койке сорок дней, Все звал жену, искал горячим взором. Поправившись, поехал в отпуск к ней, В счастливый отпуск в наш далекий город.

Мы незнакомы были до войны, А здесь сдружились земляки-солдаты, По-разному в свой город влюблены, В котором были счастливы когда-то.

Мы знали жен по карточкам, по снам, Которыми делились мы по-братски. Мы спали рядом, и в морозы нам Теплее было в блиндаже солдатском.

Я ждал его из отпуска... Ведь он Жену мою был навестить обязан; Все рассказать и передать поклон, Меня, вернувшись, одарить рассказом.

И вот приехал. Грустен, нелюдим, Каким-то горем омрачен, расстроен. Когда бойцы стояли перед ним, Он сухо поздоровался со строем.

Потом сказал: «Пойдем, мой друг, пойдем, Пусть нас не видят в горести другие...» И вот землянка, наш солдатский дом, Сырые стены, черные, глухие.

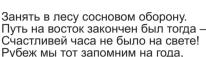
Мой друг с шинели молча пыль стряхнул, Сел на скамью, как будто равнодушный, Тяжелым взглядом на меня взглянул, Сказал: «Теперь, дружище, слушай.

Я, как дурак, везде таскал с собой Любовь и верность - вот еще забота! Я с именем ее стремился в бой, Да слышала б когда моя пехота,

Как их суровый, строгий капитан В бою кровавом, силы напрягая, Под взрывами смертельными шептал: «Ты слышишь ли меня, Галина, Галя?»

Но, Галя, ангел непорочный мой, В любовь она по мелочи играла. Я ноги чуть не потерял зимой, Она ж и часа, видно, не теряла.

Не знала, где я, полгода... Вот срок! Шесть месяцев... Беда! Скажи на милость! Как говорят, я не успел подметки сбить сапог, А у нее любовь уж износилась

Не ждал с таким горячим нетерпеньем. К нам в лес пришла метельная зима, Землянки нашей заметя ступени.

О, если б можно было только раз Дать знать в мой город отголоском грома Что именно не завтра, а сейчас Письмо мне нужно получить из дома.

Знакомый почерк встретить на письме, Обратный адрес, улицу, квартиру, Две комнаты в вечерней полутьме, В которых помещается полмира.

Когда в лесу в снега и в землю вмерз И звезды в небе ветры погасили, То кажется, что мир тайгой зарос И все тебя покинули, забыли.

...Шипит кора сосны полусырой, Труба печурки свист пурги доносит. И вдруг в землянку позднею порой В снегу, с мороза входит письмоносец.

Как в довоенном мире, достает Открытки, письма он из сумки старой, Как Дед Мороз на елке, подает Он каждому желаемый подарок.

Еще не взяв, я вижу почерк твой И, адресом обратным зачарован, Конверт держу... Посланник голубой Военною цензурой штемпелеван.

И сердце замирает. И висок Холодный пот нежданно покрывает. Я жадною рукой наискосок Конверт нетерпеливо разрываю.

Да, да... Скучает... Милый... Дорогой... Я снился ей, веселый, загорелый, Над тихой украинской рекой, В саду вишневом, от цветенья белом.

Целует, обнимает горячо И подписи касается губами, И это – все. А я хочу еще Следить, следить за милыми словами.

Опять мне снился этой ночью сон, Тебя я видел, но до крика тяжко: Был берег моря, золотой песок, На нем лежала почему-то фляжка.

Заржавленная фляжка без чехла – Откуда здесь она взялась, пустая? Тебя увидел. Ты навстречу шла, Как будто бы мое письмо читая.

Я закричал: «Постой, не уходи!» но ты взглянула в сторону прибоя Так изумленно, словно впереди И не было меня перед тобою.

И ты пошла... И рядом вдруг с тобой Встал человек, рукой за локоть тронул; И вместе с ним ты каменной тропой Взбираться стала по крутому склону.

Я побежал по следу от воды, Не веря сам: да это ты ли, ты ли? Но проволоки спутанной ряды Мне путь к тебе стеной загородили.

Вернулся к морю. Тихое оно, Как зеркало, лежало под ногами, И в глубине светло играло дно Волнистыми, как гребни гор, песками.

Нагнулся я – не видно ничего: Ни губ моих, ни глаз моих усталых; Нет отраженья в море моего, Лишь облаков кочующая стая.

(Окончание на стр. 8)

Анатолий СОФРОНОВ

ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ

(Окончание. Начало на стр. 7)

Тут я рукой ударил по воде, Еще рукой, потом солдатской скаткой. Но от ударов не было нигде Кругов на море. Море было гладко.

Тогда я к фляжке бросился бежать, Ее ногой ударил, ожидая. Она осталась на песке лежать, Не шелохнувшись, ржавая, пустая.

И здесь уже заплакал я навзрыд... И вдруг проснулся на своей лежанке, Погасла печь, но каганец горит, И сон, как кошка, ходит по землянке.

V

Чем дальше мы от мира на войне, Чем злее веют вихри огневые, Тем чаще в опаленной стороне Мы вспоминаем радости былые.

И в памяти храню я, как скупец, Тебя у моря, солнце на закате, Косы твоей сияющей венец Над голубым – в полоску с белым – платьем.

Выходим к морю... На сыром песке Свои следы не раз мы оставляли И белый парус в синем далеке Своей судьбой и счастьем называли.

Взбираемся с тобою на обрыв, Сдирая в кровь ладони и колени, И наверху, глаза на мир раскрыв, Мы застываем рядом в изумленье.

Скользят под парусами корабли, Лежит пред нами неземная небыль: Рекою в море синее вдали Впадает сверху голубое небо.

Мне не забыть ни полдень, ни прибой Над светлою чертой береговою, Ни желто-красный камень под тобой, Ни чаек взлет над русой головою.

Я был и есть скупец и однолюб, Безмерно жадный обладатель клада: Ни глаз других, ни плеч других, ни губ, Ни слов других, ни голоса не надо...

VII

Пришла весна, хорошая весна, В снегах легли проталины и тени, И вот уже солдатам не до сна: Они идут на юге в наступленье.

Дороги фронтовые развезло, В кюветах танки, пушки и машины – Все то, что грохотало нам назло, Теперь молчит на землях Украины.

Когда-нибудь ученые мужи, Историки седые и стратеги На эти боевые рубежи Весной приедут на простой телеге.

Их привезет колхозный рыжий конь С дугой крутою над упрямой шеей. В крови и в масти сохранив огонь, Он на рысях подкатит их к траншее.

Историки, с блокнотами в руках, Пойдут к окопам старым без дороги И вновь услышат, как в былых боях Ревели пушки на холмах отлогих. Все это будет! Волею бойца Вчерашний день —

он завтра станет былью. Как трепетали русские сердца, Когда границу мы переходили!

Здесь тополя над Прутом стерегут Места, где бились мы с ожесточеньем, Теперь пред нами неспокойный Прут За льдиной льдину тянет по теченью.

А мы все шли: долины и холмы, Разбитые дороги, перекаты... И вот однажды увидали мы Под облаками синие Карпаты.

Все поняли, что снова здесь – бои, Что снова каждый должен быть отважен, И ты ли сам или друзья твои, А может быть, и вместе в землю ляжем.

Остановились ночью за рекой, По карте именуемой Молдавой, Почувствовав, что нам подать рукой До смерти славной и бессмертной славы.

И бой настал. Жестокий бой в лесу За монастырь, среди дубов стоящий. Завыли мины глухо на весу, Как топоры, стучали пули в чаще.

Но лес стоял высокою стеной, Ощерившийся, нелюдимый, страшный, И крикнул я: «Товарищи, за мной!» И мы схватились в битве рукопашной.

Кипел лесной гранатный темный бой. Штыки мелькали, узкие кинжалы. От дерева до дерева гурьбой К монастырю фашисты побежали.

А мы – за ними. Белая стена Среди деревьев частых замелькала. Навстречу пуля свистнула. Она Уж не меня ли в этот миг искала?

Но вдруг в лесу раздался, загудел Протяжный звон, высокий, колокольный, Как будто вырваться он захотел Из боя вон, туда, где полдень вольный.

И в этот миг, когда моя ладонь К ограде монастырской прикоснулась, Горячий вихрь, в глазах слепой огонь, Все предо мною в грохоте взметнулось, И я упал...

VIII

Какая тишина

Стоит над миром! Нет войны и крови. Чуть шелестит черешня у окна И сыплет цвет мне белый в изголовье.

Весна со мною рядом, в двух шагах, Гуляет ветер по земле раздольной, И только эхом слышится в ушах Далекий звон, тревожный, колокольный.

Как хорошо лежать! На свете жить, Дышать весной, хватать губами воздух, С соседями палатными дружить, Считать на небе украинском звезды.

Пить по утрам парное молоко, И песни петь вполголоса со всеми, И знать, что там, что очень далеко, За сотни верст, но ждут тебя все время.

Привыкнешь к перевязкам – пустяки, И ничего, что ночи все бессонней, И гипс на сгибе раненой руки Становится все легче, невесомей.

Перебираешь в памяти дружков — Они теперь давно уже в Карпатах, Среди ущелий, буков и снегов, Среди восходов горных и закатов.

Перебираю лица, адреса: Украинцы, волжане, вологодцы... Друзей моих родные голоса, А скольких мне увидеть не придется?!

А вот – письмо... Я помню, капитан Просил меня перед последним боем: «...Тебе, возможно, будет отпуск дан, Возьми, мой друг, письмо мое с собою.

Ты в городе Галину разыщи, И не от мужа – попросту от воина Письмо мое последнее вручи, Пусть прочитает – и живет спокойно...»

Я взял письмо. И вот оно со мной, А я лежу на госпитальной койке Под белою больничной простыней, И сколько дней еще лежать мне, сколько!

И неизвестен день мне тот и час, Когда с пути далекого, с дороги Я, в дверь родную тихо постучась, Замру от ожиданья на пороге.

Опять в палате в полдень тишина, Как будто мир затих на полуслове; Чуть шелестит черешня у окна И сыплет цвет мне белый в изголовье.

Приходит врач. Садится на кровать, Считает пульс привычною рукою И говорит: «Вы можете вставать, Гулять по саду можете... с сестрою.

Немного отдохнете, милый мой, Забудете режим, покой постельный И, может быть, поедете домой, — Он щурится, – да, в отпуск двухнедельный».

Мне кажется, что это все из сна — И доктор сам, его седые брови... Чуть шелестит черешня у окна И сыплет цвет мне белый в изголовье...

IX

Обратный путь. Дорожной кутерьмы Калейдоскоп. И шум и крик народа. Я дома не был ровно три зимы, Три осени, три долгих, долгих года.

Народ как будто тот же, не другой. Смешливый, краснощекий и здоровый. Но вот без ног один, с одной ногой, А вот слепой, он с посохом дубовым.

Через его лицо наискосок Проходит шрам, он свеж еще и розов; Солдат, наверно, молод, но висок Посеребрен как будто бы морозом.

Он тоже не был дома три зимы, А постарел на двадцать иль на сорок, Мне почему-то кажется, что мы Попутчики в один и тот же город.

И кто же встретит темного его И как узнают сразу на перроне? Иль он сойдет, не видя никого, Но головы от горя не уронит?

Пойдет один, как будто не слепой, Походкой твердой старого солдата, Он видел бой, он видел страшный бой, Он был в бою и головы не прятал.

...А поезд все идет – который день! – Среди примет утихшего сраженья: Полусгоревших тихих деревень, Среди озер, сломавших отраженье.

Еще висят разбитые мосты, Черны провалы станционных зданий, Но зеленеют возле них кусты, Как в день второй начала мирозданья.

Белеют ребра новые арбы, Лежит куском нарезанная зелень, И даже телеграфные столбы Еще желты, еще не посерели.

...Однажды утром, выйдя на перрон, На станцию, разбитую бомбежкой, Я увидал слепого близко. Он Стоял с мешком солдатским на подножке.

Осматривался будто бы вокруг, Узнать пытаясь все, что раньше было. И вдруг он вздрогнул, пошатнулся вдруг От крика женского: «Сережа, милый!..»

К нему бежала женщина в платке, Ей все дорогу тут же уступали. Он руки протянул. В его руке Мы посошок дубовый увидали.

Но он отбросил в сторону его, Шагнул вперед спокойно для начала, Как будто знал, что вечно для него Теперь опорой та, что закричала.

Колеса застучали все быстрей, Солдат с женой остался на вокзале; Из тамбуров, из окон, из дверей Их все глазами долго провожали.

И скоро город мой. Мне не заснуть. Приеду так же, как уехал, – ночью. Ужель мне доведется заглянуть В твои печалью тронутые очи?

Все собрано. Походный мой мешок Стоит на полке, будто приготовясь, Мелькают ленты белые дорог, Стучит на стыках беспокойно поезд.

И вот вокзал. Перрон. И надо мной Блестят, как прежде, золотые звезды, Лицом ловлю я ветерок степной, Глотками пью хмельной, студеный воздух.

Шумит ветвями привокзальный сад, Вокруг меня дома стоят, как тени... Я слышу пенье тихое девчат. И чувствую я аромат сирени.

Налево переулок – это мой, Знакомый дом, он будет третьим с краю, И вот стучу, стучу к себе домой, Прошусь в свой дом, у окон замираю.

Я слышу через дверь ее шаги,— Не расставался с нею я как будто,— Ой, сердце, тише, выжить помоги Вот эту только первую минуту!

Вот скрипнул ключ и вот уже затих, И дверь раскрыта настежь, нараспашку, И я тебя держу в руках моих, Тебя, к кому я шел такой дорогой тяжкой.

Х

Мой дом, мой стол, как в тот прощальный час; Он все такой же, словно в день

вчерашний, Как будто бы с прогулки возвратясь, Вошел я в дом, в окно не постучавши.

И ты не плачь. Теперь все позади, Под нашей крышей встретились мы снова, Мы рядом, вместе. У моей груди Биенье сердца слышу я родного.

И я хожу, как мальчик, по садам, Прошедшее по памяти листая. Я, как пытливый школьник, по складам Вновь улицы, как в букваре, читаю.

Дома все те же, а знакомых нет; Бывало, не пройдешь и полквартала, Тебя заметят и окликнут вслед, Заговорят... Да, многое бывало!

Я улицами тихими иду, Пересекаю молча перекрестки, Здесь шум стоял в сороковом году, Цементом пахло, мелом и известкой.

Строительства скрипучие леса Заглядывали в новые квартиры; Здесь слышались сквозь грохот голоса: «Помалу – майна, полегоньку – вира!»

И этот дом достроен был, одет, Посажен сад был перед ним зеленый... Да сколько ж времени прошло! Пять лет, И вот стою пред ним я почтальоном.

Письмо мне сумку полевую жжет. Второй этаж. Квартира десять. Галя. Но адресат известий ведь не ждет – Известия любые опоздали.

Что я скажу? И надо ль что сказать «О подвигах, о доблести, о славе»! Он так сумел, наверно, написать, Что память горькую навек оставил.

Открыта дверь. Передо мной – она, Стоит, меня совсем не ожидая... От неожиданности смущена, Войти меня в квартиру приглашает.

Письмо читает... В светлое окно Стучится тополь ветками прямыми. Вот так же он смотрел не так давно, Как мир сиял за окнами живыми.

Весь мир лежит в одном большом окне, Сверкающий, шумящий, нераздельный... Я слышу голос: «Расскажите мне, Меня не вспоминал он

л он в час смертельный?»

Я говорю. Пусть знает. Пусть живет И будет вечно с думами своими. Я говорю. Железом слово жжет: «Шептал в бреду он только ваше имя.

До смерти помнил вас, не забывал, В горячке звал, искал кругом – не вы ли? Быть может, раньше вами наповал Он был сражен, как пулею, – навылет.

Не мне судить, пусть судит суд людской С пристрастием, не по своей охоте... Но только помните: любви такой Вы никогда на свете не найдете».

Она сжимает пальцами виски, В глаза мне смотрит

потемневшим взглядом И голосом, охрипшим от тоски, Мне говорит: «Не надо так... Не надо...»

Я выхожу из комнаты на свет, Под клены шелестящие, под ветер; Не о Галине думаю – о нет! – О той, что лучше всех на белом свете.

Как коротки и ночи те и дни, Когда ты глаз бессонных не смежаешь! Ты голову печально не клони, Я вновь вернусь, и ты ведь это знаешь.

Опять вокзал. Перрон и суета. Шипенье пара, крики паровозов; И где-то за пролетами моста Закат вечерний золотисто-розов.

Моя любовь, дай руки снова мне, Смотри в глаза суровые солдата. Он не погиб, он не сгорел в огне, Хотя себя от пламени не прятал.

Ты только помни. Помни и скучай. Считай недели ты страды военной И дни не от прощания считай – Считай часы до встречи непременной.

И сколько новых мне пройти дорог, И сколько старых ляжет между нами, А все я помнить буду твой платок, Мелькнувший мне, как парус над волнами.

Январь 1944 г. – май 1945 г.